

Ба 21524

ІНСТЫТУТ БЕЛАРУСКАЕ КУЛЬТУРЫ

А. К. СЕРЖПУТОВСКИЙ

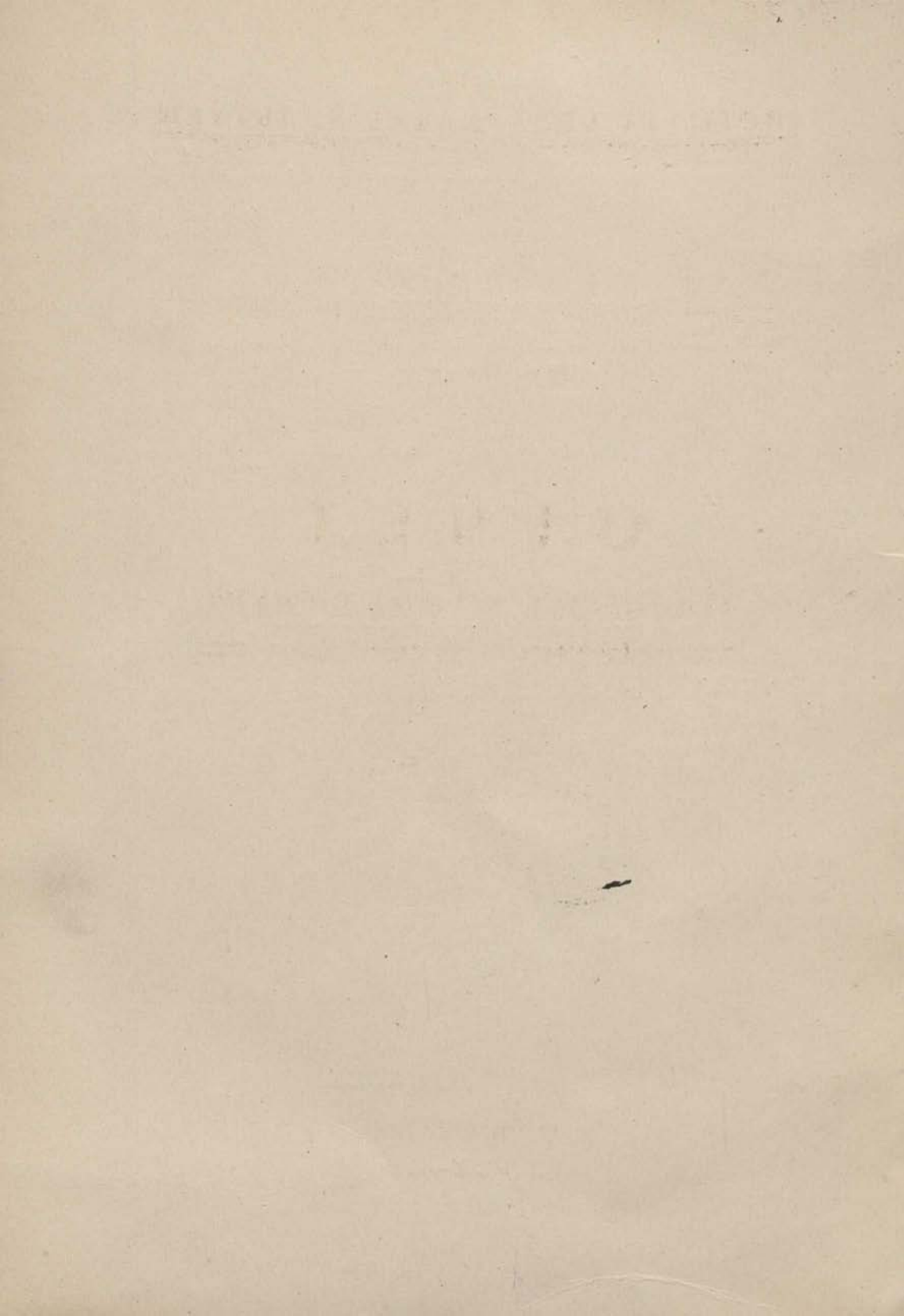
Хранитель Этнографического Отдела Государственного
Русского Музея в Ленинграде

О Т Ч Е Т

О ПОЕЗДКЕ В ГОМЕЛЬСКУЮ
= ГУБЕРНИЮ В 1926 году =

М Е Н С К—1926

ба 21524

48

ІНСТЫТУТ БЕЛАРУСКАЕ КУЛЬТУРЫ

А. К. СЕРЖПУТОВСКИЙ

Хранитель Этнографического Отдела Государственного
Русского Музея в Ленинграде

О Т Ч Е Т

О ПОЕЗДКЕ В ГОМЕЛЬСКУЮ
= ГУБЕРНИЮ В 1926 году =

ба 21524р

Инд. 1958 г.

Бел. отд. 1994 г.

М Е Н С К—1926

(Ф. 25737)

25.04.2009

Отчет о поездке в Гомельскую губернию летом 1926 года.

По поручению Института Белорусской Культуры, летом 1926 года мною была совершена поездка в Гомельскую губернию для исследования языка, творчества и быта белорусской народности.

По указаниям соответственных комиссий Института Белорусской Культуры, целью своей поездки я наметил: а) отчасти определение этнографической границы белорусской народности и языка с соседними великорусскими и украинскими племенами и наречиями в Гомельской губернии; б) на месте лично познакомиться с особенностями разных белорусских говоров и определить, по возможности, границы последних; в) делать наблюдения над народным бытом и отметить, какие в нем произошли изменения под влиянием войны и революции; отчасти собрать материалы по белорусскому фольклору.

Конечно, намеченные задачи очень обширны и с исчерпывающей полнотой не могли быть выполнены в сравнительно небольшое время, каким я располагал, сообразно материальным средствам; во всяком случае мною в течение месяца собран обширный материал и сделаны ценные наблюдения.

Свою поездку я начал с восточной стороны Гомельской губернии и постепенно подвигался на запад, проезжая вдоль бассейна р. Ипути с южной стороны. Отправившись из гор. Минска в Почеп Брянской губернии, я прежде всего направился на лошадях на восток к р. Десне по Трубчевскому уезду б. Орловской губ. и посетил с. Уручье в 25 в. от Почеп-

Как по пути, так равно и в с.Уручье все попадались белорусы. Постройки везде белорусского типа. В речи стариков, женщин и детей ясно выражено дзеканье и цеканье, *ў* из *л* и другие белорусские особенности. Среди молодых мужчин, побывавших на военной службе, в городах и в школе, эти особенности слабее развиты, а иногда даже совсем отсутствуют. Вот несколько наблюдений в языке, сделанных в с. Семце (в 12 верстах к югу от Почепа): ён ідзёць, нясець, дзіеці, узяў, ішоў, унук, гавару, той, у тэй руцэ, на назе, Піліп, Хведар; якòя табіе дзіела? мянè, цябè (род.-вин. п.) як, тутачкі, тамачкі. Несколько отдельных слов с особым значением: юпка (женский зипун), пуга (кну́т), пу́ня (сарай), упудзіца (испугаться); укуо́п (кипяток), цвьінтар (церковный погост). Сами себя здешние белорусы называют хохлами, но ничего украинского у них нет. Несомненно, что в прежнее время белорусы простирались на восток до Десны, но в настоящее время они потеснены и не везде доходят до этой реки, как об этом подробно говорит академик Е. Ф. Карский в своем труде: Этнографическая карта Белорусского племени, стр. 19.

Из Семца я направился в б. Мглинский уезд Черниговской губернии и на лошадях проехал целый ряд селений, как то: Дягова, Старопочепье, Дивовка, Писаревка и другие. Всюду я оставаивался и производил наблюдения. Во всех этих селениях мне попадались исключительно белорусы, говорящие на более или менее одинаковом говоре; селения эти имеют одинаковый характер расположения усадеб и построек в усадьбах. Для более подробных наблюдений я остановился в с. Писаревке б. Мглинского уезда, ныне Унечской волости Клинцовского уезда, на более или менее продолжительное время.

Писаревка—довольно большое селение в 262 двора, расположено вдоль небольшого ручья несколько в стороне от большой проезжей дороги, ведущей из Унечи в Мглин. Селение разбросано, сообразно с топографическими условиями местности, и имеет несколько ломаных улиц и переулков. Хаты расположены возле улицы и обращены окнами на улицу. Перед окнами загорожен небольшой цветник. Хата со всеми служебными постройками образует замкнутый двор.

От улицы двор огорожен высоким бревенчатым забором, в котором устроены широкие ворота и калитка. Последние покрыты двускатной крышей. Хата срублена в простой угол. К ней пристроены сени. Вход со двора. Хаты внутри штукатурены и белены или только белены. Крыша двускатная, соломенная, под лопату; со стороны улицы—щиток из досок. В углу при входе расположена большая печь с трубой; устье печи обращено к окну. Против печи красный угол, в котором перед скамьями стоит стол. На столе непременно лежит хлеб, покрытый скатертью. Возле печи устроен пуол (нары для спанья); палатей нет. В хате и сенях настлан деревянный пол. Рядом с сенями расположен под навесом інбар (амбар) и сьвінарка (сарай для свиней), хлявы (сарай для скота и лошадей), засяньнік (сарай на сено) и аўчарка ці пунька (сарай для овец) тоже под навесом, второй інбар или кліець, навес (павіець) на дрова и телеги. Тут же устраивается погреб. Колодцы устраиваются на улице. Кроме означенных построек, вдали от них, за улицей или за огородом, в предупреждение от пожара, строится гумно (сарай на хлеб и ток). Это очень большая постройка, с четырехскатной соломенной крышей, которая опирается на шесть высоких столбов. Здесь устраивается глинобитный ток и осеть (осець) для просушивания хлеба. Отдельно от усадьбы, где-либо возле ручья, устраивается лазня (баня). Вот и все постройки, характерные для всех белорусов.

Характерная старинная одежда сохранилась только у пожилых женщин да отчасти у стариков. Все молодые—как мужчины, так и женщины—носят одежду общераспространенного городского типа. Старики носят длинную холщевую рубаху с отложным воротом и прорехой посреди груди. Рубаха носится поверх узких холщевых штанов и опоясывается „цясёмкай“. Поверх рубахи белая сьвіта или жупан, піджак, армяк со сборами или чукмень длинный, с большим воротником. Все это шьётся из домашнего сукна. На зиму шуба (нагольный тулуп) со сборами сзады в талию или шуба крытая. Обувают шчарбакі или лапці з дробнымі вушкамі, похлапні (русские лапти) с онучами до колен, боты (сапоги), валенки. Из головных уборов характерны валеная маргелка, брыль, кучма, каптур. Молодые носят картуз. Старые жен-

щины носят длинные холщевые рубашки с отложным воротником и широкими рукавами с обшлагом у кисти; ворот, рукава, оплечия и подол вышиты красной бумажной нитью. Поверх рубашки одевается саян (юбка) из толстой домашней шерстяной ткани, обычно красного цвета. Саян прикрепляется широким красным шерстяным поясом, с длинными кистями, которые висят сзади несколько по бокам, и повязывается хвартух (передник холщевой). Поверх рубашки одевается холщевой нагрудник, а иногда карсэт, длиною до шага. Зимой, сверх—того шубейка. Голова повязывается платком. Обуваят лапти, сапоги, валенки, а в праздники и башмаки. Летом больше ходят босиком.

Главнейшим занятием местных жителей является земледелие и скотоводство. Они так тесно связаны, что одно без другого не могут существовать. Почва здесь легкая, песчаная, требует обильного удобрения, но, за неимением хороших лугов и пастбищ, скотоводство слабо развито. Оттого и хлеба родится мало. Пашут здесь плугом. Соха давно вышла из употребления. За то, кроме плуга, никаких усовершенствованных земледельческих орудий здесь нет. Обмолачивают, обивая снопом о козелки, простым еловым суком или первобытным цепом. Веют зерно посредством лопаты. Но мелют исключительно на мельницах. Сеют озимую и яровую рожь, ячмень, овес, гречиху, просо и коноплю. Последняя сеется на хорошо удобренной земле и потому дает порядочные урожаи. Вот почему, по словам местных хозяев, конопля является единственным доходным средством в хозяйстве.

В прежнее время здесь были огромные леса. Местные жители производили рубку и вывоз леса, что давало хорошие заработки. В настоящее время никаких заработков нет, и жители сильно обеднели.

По языку население также безусловно белорусское, хотя молодежь и многие мужчины, побывавшие на военной службе и в городах, говорят на смешанном белорусско-русском говоре. Из особенностей речи отметим: сильное дзеканье и цеканье, появление *ў* на месте *л*, 3-е лицо на —*é*, *ёць*, смешение изредка *ч* и *ц* и т. п. Для характеристики говора вот несколько записей, сделанных мною в Писаревке. Приведенные ниже песни, не представляя новизны в содержании, интересны в отношении языка.

№ 1.

Пяюць на заручынах.

Ці ты, дзіевачка, ня чуеш,
Як цябэ купцы таргуюць?
Яны таргуюць, таргуюць,
Да ні шэляга ня даюць.
Туолькі даюць віно ў чару
За маю русу касу,
За дзявоцкую красу.
Тагды красы жаліела,
Як у татачкі сядзіела,
А цяпер яна ня трэе мніе
Ні рюта, ні мята
Ні рожэ чырвонаа.

№ 2.

За лясом соўнейка йграе,
Дзяцінка коніка сядлае.
У яго мамачка пытае:
— Куды ты, сыночак, паіедзеш?
— Паіеду, матачка, ў дарогу часную
Па сваю дзіевачку красную.

№ 3.

Як справаджаюць везьці к жаніху.

Ці я ў цябэ, муой татачка, ня дзіцятка,
Што ты мяне шлеш пруючкі прюці нуочкі,
Сьвіечачкі ў ручкі не даёш,
Праваднічкуоў усьліед ня шлеш?
От табіе сьвіечачка—місячка,
От табіе правуюзьнік—куонь вараны
І правоуднічак—князь малады.

№ 4.

Калі маладая сірата.
 Няўжэ буог ня б́ача,
 Як сіруотачка пла́ча,
 Як пла́ча да й прычытвае,
 Што ня руодны бацька аддае,
 Ня руодна ма́ці выраджае,
 Ня ўвесь руод зьбірае.
 Ёсьць каму пі́ці і гуля́ці,
 А ні́каму ві́ернага сла́вечка сказа́ці.
 Няма ма́іе руодна́іе сястры́цы,
 Няма ма́іе пара́дніцы,
 Ні́е с кім мні́е пара́дзі́цца.

Усьціна Сёмчанківа, 66 г.

№ 5.

Пяюць малыя дзі́евачкі.

Я й пі́сьню сьпі́еў,
 Я й на лы́чка ўзьдзі́еў,
 На базар панёс,
 Тры ка́пійкі ўзяў,
 Я й мы́льца купіў,
 Я й ры́льца памыў,
 Ручні́чкòм уце́рся
 Да й да дзі́евачак папёрся.
 Мянэ дзі́евачкі любі́лі,
 Каро́міслам атлупі́лі,
 Пад пі́еч падагна́лі,
 Учкúр перарва́лі
 Парткі ма́іе дубо́выіе
 Калуо́шачкі вярбо́выіе,
 Учкúр зь лябяды.
 Набраўся бяды.

Ганна Крумкач, 10 г.

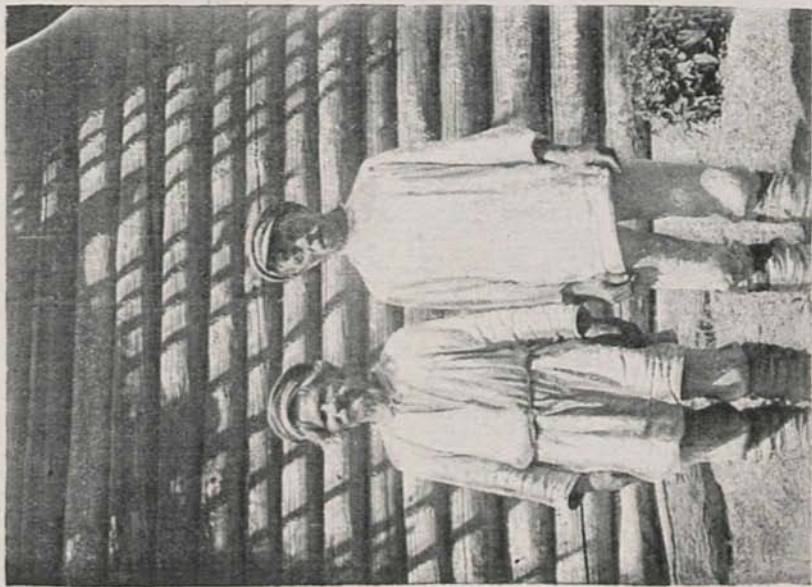
Белорусские хаты новейшего образца в дер. Кобылино
Уваровичской волости Гомельского уезда.
(Фотография автора. 1926 г.)

Жатва. С. Красновичи Унечской волости Клинцовского уезда
Гомельской губернии.

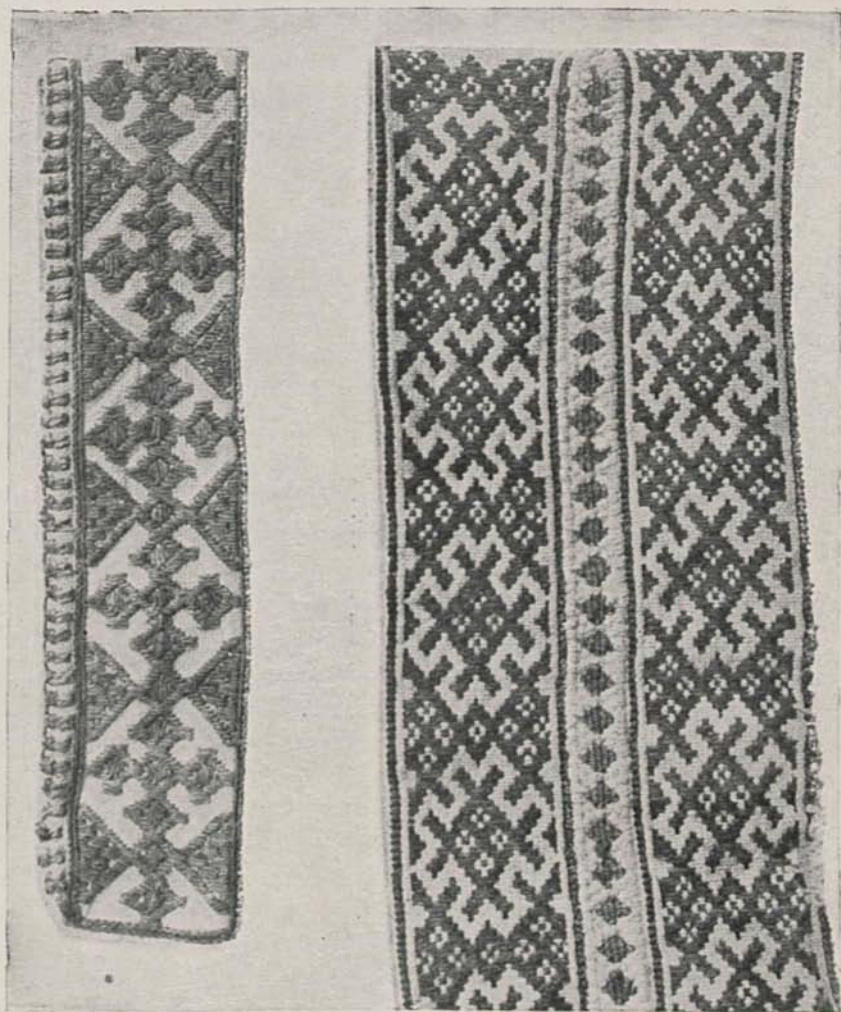
(Фотография автора, 1926 г.)

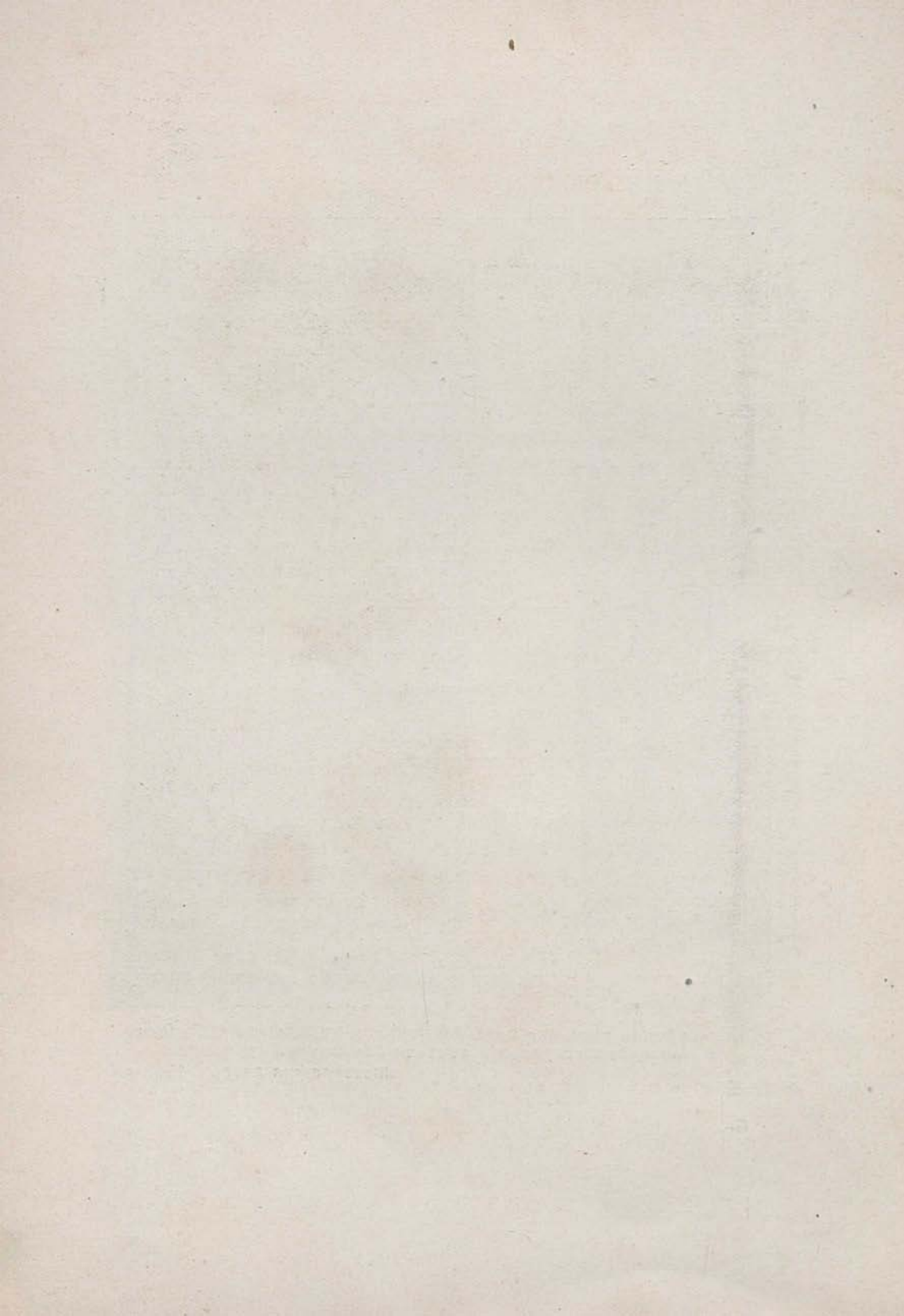
Типы крестьян с. Писаревка Унечской волости Клинцовского уезда Гомельской губернии.
(Фотография автора. 1926 г.)

Евдокия Федорова Шевцова, 70 лет, неграмотная, рассказчица. С. Красновичи Унечской волости Клинцовского уезда Гомельской губ.
(Фотография автора. 1926 г.)

Белорусские вышивки красной бумажной нитью из с. Гнилуша
Клинцовского уезда и волости Гомельской губернии.
(Фотография автора. 1926 г.)

Для характеристики местного говора могут быть еще интересные следующие заметки, сделанные мною: пад вакном, сёнячы; у, сюды ўбачок Буда ёсьць; тутацька; тамацька; у Краснум багато дваруоў; сварыць станеш (будешь бранить); гэта з паськани, цераз прасяльца; бярэ; яны бягаць (бегут); німа; як хто блюдок (блюл); бяз лёну крыэпка плёха; зьміёны на зьміёну ня пераведзёш; людзі папанажнуць; да раждства; ня думаў, каб гавёчак да вясны вывяў; сьнідаюць, дак і шумяць; гэта самы прялі, туолькі ткач ткаў; ніе, гэта платок, а ня багаўнік; гідкая, казаў Ляксіей, я перадзіелаю; адно сучча; прышлі двору; такі плахата, што божа муой! глэзы ня бачуць; ён купіў крыху; трёшкі віетрык якась пачаў шыкаць; бўльба топляная з салцам, ці-ж будзеце іесьці? Пастаялячка (молоко); навуоны (посторонний); аграмадны; чўхацца, рёбя (делает); патароча (буря); румка, цар, рёса, рёба, раса, шыла; руськаму прадаў хату; цуцу, у пўню! У Красновічах, там інакшая гавуорка; талёка (пар); грэнулькі (ласточки); чарнагуз (аист); жораў (журавль); камяга (жолоб), мяльля (кострика); скруось дзень (весь день); дзійкалі (говорили); мы сьпечуом хлёб; кісьлянькі, як вўксус; у хаци; у сёняшні дзень; сонца заходзя, дак пара ў хату; каруоўнае (молочное); цапок (трость).

Из приведенных записей можно заключить, что здесь население чисто белорусское. Несмотря на то, что оно проживает в 15-ти верстах от Унечи и в 20 от Мглина, оно мало подверглось влиянию великорусского говора.

Из б. Мглинского уезда я направился в б. Суражский уезд Черниговской губернии и посетил ряд селений: Ляличи, Дубиновку, Кулачи, Беловодну, Кожушье, Глуховку, Самохотовку, Рудню, Добрын, Красновичи и Гнилушу. Все эти селения находятся вблизи Клинцов и в настоящее время входят в состав Унечской Суражской и Клинцовой волостей Клинцовского уезда Гомельской губернии. Во всех означенных селениях как постройки, одежда, так и весь хозяйственный и домашний быт населения ничем не отличаются от описанного мною в с. Писаревке. Но говор несколько отличается, и почти в каждом селении можно слышать особое произношение, хотя и с незначительным отличием. Приведу несколько записей, сделанных мною в разных селениях.

В с. Красновичах гаворят: вяліей бы я сам пашоў; і званьня німа, дзіе яна; закрыў дошкамі; добра; дабрыдзень вам! Здаруоў! Біелая пярэ, глыбокая мора; хадзіем ужо; кажа (говарит); сіена, хлеб, буог, муой, свуой, вараны, гніеда, па-крухавіей (поскорей), скуось (сквозь), гуж; слаена ня пераіе-сьці, ў ласцы ня перажыць; тамака, тамачка, тутака, тутачка; гэстакі; ляжыць, от як рыэчка льецца; жыты яшчэ ня скора пасьпіея; узкі, доўгі да рыэдкі; нгі доўгі, да цапкі; ня валакэ (не тянет); дзіействуй, прывалэч (притянуть); рас-пўсьця, дрэвінка, ня магэ; ня руш маіе дзіеўкі; на іх жа яшчэ будзя; у апцеэ; чаго цяперака ня жывуць доўга; напруд (насилу) вуоз вязець; сьвіньня зьзядучь; пуойдзем дамуоў; Мам! Насьць! Хадзі сюды; што вы грабель дзівіцесь?

Кроме того, приведу несколько записанных мною песен.

№ 1.

Пяюць, як жнуць.

Наша пàня таўстàя
 Наварыла кашу густыя,
 Пастàвіла на прыпячку
 І жнèйкам сваім ні дала.
 А вось прыліціела мушанька,
 Прыліціела й прыліла.
 Да багдай цябè, мая мушачка,
 Багдай цябè пераламіла,
 Як ты маіх жнèяк угаладзіла.

Аўдакія Шаўцова, 70 г.

№ 2.

Пяюць, як жнуць.

Атчынй, пане, вароты,—
 Ідуць людзі з работы.
 Гатуй, пане, міскі й тарэлкі,
 Нам пà чарцы гарыэлкі.

Тая-ж.

№ 3.

Хто двору, хто дамуоў,
А я тут заначую,
Журбы ня пачую.
Ляжу я спаць
Пад арыэхавым кустам.
Адзін рукаў пасьцялю,
А другім апрануся,
Ніко́го ня баюся:
Ні пана, ні вуойта,
Ніякага чорта.
Туолькі я баюся госпада бо́га
Да свайго нялюбо́га.
Госпад буог вісо́ко,
А нялюбы далёко.
Госпад буог на не́бі,
А нялюбы ў до́мі.

Аўдакія Шаўцова, 70 г.

№ 4.

Т а н к о в а я .

А гоп канішы.
Прапіў бацька лямяшы,
А ма́тка палічку,
Сястра́ рукавічку.
Сын таго́ рэду,—
Прапіў скаварэду,
А нявіестка чапялу—
Кача́лася на палу,
А я кругом бі́гаю,
Нічо́га ня здзі́елаю.
А я прапіла́ хатку
І цыбу́лі гра́дку.
Ма́ткі дома́ ні было́,—
Я прапіла́ й памяло́.

Тая-жс.

№ 5.

С-пад гуор, с-пад даліны.
Ручаёк бяжыць.
У туом ручаі
Дзіевачка умывалася,
Сваёю красдою дзівавалася.
Ты, касà мая,
Красà дзявòцкая,
Каму-ж ты, красà, дастанешся,
А ці старòму, касà, ты дастанешся?
Калі старòму,—у чабацè знашў,
Пад нагòю стапчў.
Калі малòму, красà, дастанешся,
У паясè знашў,
У вузёл зьвяжў.
Калі руоўнаму, красà, ты дастанешся,—
У вянку красў знашў на галуовацы.

Палагея Шутова, 66 г.

№ 6.

Калядныя. Каза.

Го-го-го, казà, го-го-го, сiерая,
Го-го-го, казà, го-го-го, бiелая,
iдзiе ты хадзiла, iдзiе ты брадзiла?
Хадзiла казà па нiцых лòзах, па вербалòзах.
— Чаму цябè там ваўкi ня зьзелi?
— Ня баюся я нi ў лiесi ваўкуоў,
Нi ў полi стралцуоў,
Туолькi баюся старòго дзiеда,
Няжанàтага, барадàтага.
Ён мянè скòля, ён мянè спòря
Скуось палаценца ў рацiвая сèрца.

Тая-ж.

№ 7.

А й на́ша каза́
 Няда́ўна з Масквы
 З ру́сымі касьмі.
 Каса́мі трапнець,
 Руо́жкамі збадзэць.
 Нутка, куо́зухна, паваро́чвайся,
 Буо́льшаму па́ну ў нуо́жкі.
 Дасьць цябе пан міе́рачку пшані́цы,
 Міе́рачку пшані́цы на паляні́цы,
 Міе́рачку грэ́чкі на варэ́нічкі,
 Міе́рачку гаўса́.
 Наша піе́сьня ўся.

Тая-ж.

№ 8.

Пяюць на купала.

Ой, рана на Івана. Гу!
 Дзіе купала начавала!
 Ра́на на Іва́на. Гу!
 Што купала ужыва́ла?
 Начава́ла у густо́м жыце,
 Ужыва́ла варэ́нічкі
 З чо́рным ма́кам,
 З пастарна́кам
 І з гуо́ркаю цыбу́лькаю.
 Ой, ра́на на Іва́на. Гу!

Тая-ж.

№ 9.

Паходжана, паброджана
 Кала маіе хіжы.
 Усе купчыкі-старадубчыкі
 Падкуоўкамі пішуць.
 Піце людзі гарыэлачку.
 Няхай людзі брэшуць,
 Няхай, няхай пагавораць,

Дажджом тья гадзіначкі,
Што й іх пераломя,
Пераломя, перакрыша,
Як віццер былінку.
Ты ня віццер, ты ня віццер,
А я ня былінка,
Ня зводзь з вумá,
Трясца твай ма!
Я ня дружыначка.
Тагды было з вумá звадзіць,
Як малá бывáла,
Цяпёр паболялá,
Розуму прыбылá.

Тая-ж.

В Дубиновке дети говорят: дувай, бувай, усюдах, дзе-цёнак, дабрае (добрее) и др. В Кулачах говорят: стувай, тамацька; тутацька; пацьміелі дрóвы. В с. Гнилуши говорят: яна мяне ня любя, біў бало пан, крыэпка біў; хліеба ня хапé, дак пякуць з брагі; плóха было даўнэй; хòчу сярбануць пастаялачкі; зубей німа ў році; ні губей, ні зубей; у рыэццы лавіў ракі; сёлета ракі пракінуліся; мянэ гонюць з двóру; сьмерць ня прыхòдзя; бяры рукамы; упрыся нагамы; добрыя трóвы; кòні пашлі на грэды.

В Клинцах смешанное население: на первом месте идут великорусы-старообрядцы, потом евреи и белорусы. Белорусы здесь хотя и говорят по-белоруски, но в их речи уже много русских слов и оборотов.

Из Клинцов я направился через Новозыбковский уезд в с. Добруш Гомельского уезда. По всему пути я слышал белорусскую речь. И здесь постройки всюду белорусского типа. Костюмы тоже белорусские, хотя и нового, городского, образца, но из тканей домашнего изделия. Как в самом г. Новозыбкове, так равно и в Новозыбковском уезде по посадам, местечкам и большим селениям смешанное население, состоящее из великоруссов-старообрядцев, евреев и белорусов, которые стоят по количеству на последнем месте.

В Гомельском уезде я посетил следующие селения. Добруш, Жгунь, Крупцы, Васильевку, Перерост, Улуковы, Головинцы, Руеньку, Марковичи, Климовку, Прибытки, Хорошевку, Лагуны, Зябровку и Корму. Во всех вышеозначенных селениях проживают белорусы, которых говор резко отличается от говора великорусов-старообрядцев, проживающих рядом в селениях Крупцы, Городня, Буда-Спиридонова, Белица, Марьино. Грабовка, Добрянка и др.

В Добруше проживают белорусы, но говор их неодинаков, благодаря тому, что сюда на бумажную фабрику поступают рабочие с разных мест. Хотя здесь живут и постоянные жители, но, повидимому, и на их говор рабочие фабрики оказали известное влияние. Для знакомства о белорусском говоре на юго-восток от Гомеля могу отчасти дать наши наблюдения в с. Жгунь, расположенном в 7-ми верстах на юг от Добруша. В Жгуни умеренное аканье, дзеканье и цеканье, твердое *p* и *t*. п.

Здесь говорят: ідзё, нясё, гавёра, сячэ, пяё, хваля (3 л. ед. ч), сьпіць, пьець; румка, гавару, цару, спаймаў, узяў, унук, быў; гаворуць, віджу, ваджу; ліхі, сьляпы; той, гэны, увесь; на рацыэ, на назіе, на руцыэ, па капіейцы; ён, яна, яны, вакно, вуліца; сустрыэўся; п'яць, аўёс; маіе рукі, усіе людзі; жыў-быў, ён такі самы, як я; тамачка. Гадуоў дваццаць ужò будзе, як тут, у Крупцах, у нас быў разбуоў. Было сьвята. Гэта якраз на асеньнюю казаньскую. Разбуоўнікі разбілі манапуоль; забралі грошы, набралі куолькі трэба было вуодкі. Напіўшыся да разьярыўшыся вуодкаю, яны кінуліся на папуоў дуом. Зьвісна, празьнік, — пазыезджалася папуоў. Як вядзецца, ўсіе грыэшныя, — папы п'юць, гавораць. Нуоч цёмная, хаць вòко выкалі. Яны як зьвяры накінуліся, пачалі страляць, забілі двух папуоў, — бацька з сьнама; двух матушак, — матку з дачкою і вучыцяля. А нашага папа ранілі ў руку. Зьбіегліся людзі, пачалі званіць, бы на пожар. Быў дожджык, цёмна. Людзі сюды-туды, а яны й уцяклі. Ой, што тагды было, што рабілася! Станавы, стражнікі туды-сюды да й пасачылі па гўмнам. Абступілі, а яны страляць. Што ні рабілі, нарэщці пабралі. Кагò пабілі, кагò саслалі. А цяпер што? Злвцяць, пасадзяць да й выпусяць. От на іх і няма страху.

Пятро Барбуос, 70 г.

Возле Гомеля к северу — умеренное аканье, дзеканье и цеканье, твердое *p* и т.п. Данные для некоторых заключений об этом говоре могут дать наши наблюдения в д. Кобылино Воровской волости, к северо-западу от Гомеля в 16 верстах. Местное население туземное, чисто белорусское. Говару, цару, румка; ня(е)сё, гавора, хваля, нёся (3 л. ед. ч.), іёсьць, сьпіць; унук, узяў, гаворуць; гляджу, віджу; злы, сьяпы (имен. п. ед. ч.); увёсь; на руцьэ, на назіе; вуліца; падняўся, сабраўся; п'яць, гаўца; мужукі; маіе коні, маё дабрò; жыў; ён, яна, яны. Мёд ё, да ня ядзім.

Таким образом мною произведены наблюдения в бывших Мглинском и Суражском уездах Черниговской губернии, или ныне Клинцовском, Новозыбковском и Гомельском уездах Гомельской же губернии, при чем нужно отметить, что, начиная от р. Десны близ Почепа в Брянской губернии, по всему протяжению Гомельской губернии вдоль р. Ипути с южной стороны и до Гомеля проживает чисто белорусское население, так как характер его поселений, построек, языка и всего хозяйственного и домашнего быта ясно свидетельствуют об этом. Но среди белорусских поселений, преимущественно в западной части, вкраплены более или менее большие посадки и селения великорусов-старообрядцев. Кроме того, в городах, посадах и местечках в большом количестве проживают евреи.

Любопытно, что в бывших Мглинском и Суражском уездах Черниговской губернии среди крестьян проживают бывшие вольные люди, называющие себя казаками. Они были вольными и никогда не были в крепостной зависимости. Они говорят по-белорусски и в своем домашнем быту ничем не отличаются от местных крестьян-белорусов.

А. Сержпутовский.

28/IX 1926 г.

a 25

1945

1964

RAIWAY

00000002593425